

Все сражения, крупные и малые, начинаются неожиданно, внезапно: какой же противник загодя раскроет свои планы. Даже тогда, когда есть довольно точные донесения разведки о замыслах врага, все равно бой полон самых невероятных, непредусмотренных поворотов. И хоть Николай Калмыков уже был порядком обстрелян в боях под Москвой, эта встреча с гитлеровцами на брянской земле для наводчика артиллерийского орудия, была самой крупной и глубокой пробой на прочность. После этого сражения комиссар полка сказал сержанту.

— Считаю, что экзамен ты сдал на «отлично».

А дело было вот как.

Разгорался бой за освобождение крупного железнодорожного узла. Дивизион, в котором служил Николай Калмыков, получил задание уничтожить огневые точки и обеспечить продвижение пехоты. Дело это для артиллеристов обычное. Дзоты на этот раз оказались не очень прочными и плохо замаскированными. После нескольких десятков снарядов гитлеровские пулеметы замолкли. И наши автоматчики почти без потерь вышли на новые рубежи, чтобы утром атаковать станцию. Окапываться было почти невозможно: хоть снег кое-где сошел, а все-таки саперные лопаты не брали землю, скованную зимними морозами. Бойцы находили естественные укрытия, хоронились в воронках от разрывов своих и вражеских бомб и снарядов.

Когда все детали предстоящего боя, казалось, были предусмотрены, вдруг разведка донесла, что станцию охраняют два бронепоезда. Идти в

СОЛДАТСКАЯ ЗРЕЛОСТЬ

атаку на такую огневую мощь было просто безрассудно. Вопреки уставам решили впереди пехоты выдвинуть три орудия и при первом же появлении уничтожить бронированные поезда. Путь к станции лежал через болота, и переправить орудия на колесах не представилось возможным. Тогда решили поставить пушки на лыжи, сделанные из стволов берез.

Расчет Николая Калмыкова занял такую позицию, что железнодорожные пути просматривались почти на полкилометра, а кустарник так укрывал пушкарей, что их и в двух шагах нельзя было обнаружить.

Едва занялся рассвет, как артиллеристы услышали глухое пыхтение приближающегося паровоза.

— Идет,— разнеслось по цепочке.

— Эта бронированная машина,— вспоминает Николай Павлович,— как-то подавила нас своей мощью. Ребята растерялись. Броневики приближались к нам, а я не слышу никаких команд, хотя мишень держу на прицеле. Потом фашисты открыли беспорядочную стрельбу из крупнокалиберных пулеметов. Они часто это делали для остратки. Обернулся, вижу растерянные, недоумевающие лица подносчиков снарядов. Кричу: —Заряжайте!.. Огонь!

И хоть гитлеровцы не обнаружили цель, но им было ясно — попали в зону артиллерийского обстрела. Фашисты начали прочесывать прилегающие к станции леса шрапнелью. Заговорили другие огневые точки. Началась прицельная и беспорядочная пальба. И как важно в такую минуту не растеряться, сохранить присутствие духа. Сержант Калмыков дошивает снаряд и производит три выстрела один за другим. Бронированная машина дрогнула и дала задний ход.

— Значит, дошло!— подумал Николай Павлович.— Заряжай!

Снова два выстрела: один в колесо, другой— в бок.

Когда над станцией вставал новый день, в нее входили наши передовые подразделения...

Война, фронт не терпят нерасторопных, медлительных. Бой выигрывает тот, кто умнее и смелее, находчивее и выносливее, целеустремленнее и увереннее в правоте своего дела. Тыловые подразделения подсчитывали трофеи, а артиллеристы уже держали путь дальше, на Запад. Тогда на Днепре мы знали, что будем в логове фашистского зверя, и потому приказ: «На Берлин!» - не был для нас чем-то неожиданным.

Вместе со стрелковыми подразделениями переправили на правый берег реки севернее Витебска два орудия. И как только гитлеровцы заметили наших смельчаков, тотчас же перешли в контратаку. Завязался неравный бой. На головы наших гвардейцев обрушилось море артиллерийского, минометного и пулеметного огня. А после этого в бой вступили танки. Артиллеристы подбили первые две машины, а атака нарастала с новой силой. Выведены из строя заряжающий и замковой. Но накал сражения не утихает.

И вдруг, почти на самой огневой позиции, с визгом и свистом разрывается мина. Орудие выведено из строя.

Оба расчета по команде становятся у одной пушки. Николай Калмыков заменяет раненого наводчика и берет на себя командование оставшимися в живых артиллеристами. Гвардейцы борются до последнего снаряда. Как только прозвучал последний выстрел, сержант дает команду: — Занять круговую оборону. Взять личное оружие. Удерживать позицию до подхода подкрепления.

И когда гитлеровцы заметили, что орудие замолкло, пошли в атаку. Но гвардейцы встретили

наседающих фашистов огнем карабинов, пистолетов, взрывами гранат.

— Здесь,— рассказывает Н. П. Калмыков,— я впервые принял рукопашный бой. И когда над берегом пронеслось наше солдатское «ура!», фашисты не выдержали. Потом, когда подошла подмога, я сам удивлялся, как же это нам удалось удержать плацдарм. Всех нас ожидали награды. Здесь я получил первый орден Славы III степени.

Потом были ордена Славы второй и первой степеней, но эта награда особенно дорога сержанту.

— После этого боя, как я сам тогда уверовал, ко мне пришла настоящая солдатская зрелость. Я стал увереннее смотреть вперед, смелее вести себя в самой сложной обстановке.

А новых испытаний гвардейцу долго ждать не пришлось. Война приближалась к государственной границе. Полк находился на марше. Тракторист Андрей Иусов и командир орудия Николай. Калмыков двигались во главе колонны. Денек был осенний и стояла необычная для военной поры тишина.

И, как всегда,—«вдруг» пальба. Передние наступающие части, оказывается, не успели очистить обочины от вражеских войск, а разведка не доложила вовремя. И получилось то, что военные называют бой на марше. С ходу развернули пушку. Пока Андрей Иусов прикрывал командира орудия пулеметным огнем, тот приготовил пушку к стрельбе прямой наводкой. Видимость отличная. Гитлеровская пехота, как на ладони. А тем временем подоспел весь расчет. Подготовили осколочный снаряд. Командир дивизиона майор Ощенко командует:

— Огонь!

Один выстрел, другой, третий...

Из сарая, что стоял невдалеке от дороги, по нашим артиллеристам трассирующими пулями застрочил гитлеровский пулемет. Выведены из строя оба подносчика снарядов, тяжело ранен Иусов.

Калмыков быстро принимает решение:

— Развернуть орудие и открыть огонь по сараю.

А сам ложится за пулемет, установленный на тягаче. Схватка была короткой. После первого же выстрела сарай взлетел на воздух, а гитлеровцы, что пытались юйти, попали под меткий пулеметный огонь командира орудия.

Оказывается, за этим боем наблюдал командующий армией и, когда схватка закончилась, генерал подъехал к артиллеристам и спросил:

— Кто здесь командир?

— Я!— четко доложил Калмыков,

— Молодцы, гвардейцы!

— Служим Советскому Союзу!

— Поздравляю, товарищ сержант, с награждением орденом Красной Звезды!

— Служу Советском/ Союзу!

И откуда было знать генералу, что этот бравый, бойкий командир отделения еле держался на ногах. Он был тяжело ранен, но наотрез отказался оставить поле боя.

Последний бой батарея семидесятишестимиллиметровых пушек провела в Берлине. Последний снаряд орудие, которым командовал сержант Н. П. Калмыков, выпустило по рейхстагу.

От Москвы до Берлина продолжались нелегкие испытания солдатской стойкостью сержанта Калмыкова. И наш земляк выдержал экзамен на прочность. Больше: в этих боях Николай Павлович закалился, возмужал, постиг мудрость и цель жизни. И все эти качества ему, плавильщику Балхашского завода по обработке цветных металлов, очень пригодились в мирной жизни. Коммунист Н. П. Калмыков и сегодня на посту —он несет боевую вахту в рядах созидателей нового трудового пятилетия.

Н. КУЛАКОВ,

спец. корр. «Индустриальной Караганды».